

Александр умер. Зато епископ раскаялся

Сегодня. — 1994. — Июль. — С. 15.

«Зимняя сказка» Шекспира в постановке Ингмара Бергмана.
Большая сцена театра «Драматен»

Стокгольм

Лейф Церн

спектакля есть все шансы стать таким же национальным праздником, каким в свое время стал фильм «Фанни и Александр». Еще одно подведение итогов, еще одна многофигурная фреска, зеркальный лабиринт, в котором зритель может исчезнуть, погрузившись, как актер в свою роль, в бездонное чрево фантазии.

Здесь есть все, и все схлестывается извечной петлей. Шекспир разумеется, — но и много чего из жизненного багажа самого Бергмана, включая реальное пространство театра «Драматен». В сценографии Леннарта Мёрка зал как бы сливается со сценой, колонны в стиле модерн повторяют колонны театрального фойе. Форма оконных створов знакома нам по фасаду «Драматена», и рампа, таким образом, представляется границей, которую можно пересечь в любой момент.

При появлении публики иллюзорный мир спектакля уже на месте. Действие, перенесенное в середину XIX века, разбивается как домашнее представление, зрителями которого являются и сидящие в зале, и актеры на сцене. Сюжет обрамляющего действия Бергман позаимствовал у Карла Юнаса Лунне Альмквиста — на шведской почве вряд ли можно ближе подойти к Шекспиру. Мы находимся у господина Хюго в Охотничьем замке.

Кое-кто из собравшихся попадает в первый ряд, когда Ирен Линд с божественной грустью поет одну из «Песен» Альмквиста, и вскоре интродукция переходит в шекспировскую пьесу. Маленькие мальчик и девочка в масках вывозят на сцену платформу с Пернилой Аугуст в роли Гермियोны, Бёрье Альстедтом в роли Леонта и Кристиером Хенрикссоном в роли Поликсена, сидящими на небесно-голубом диване в стиле модерн. Шекспир? Бергман? Альмквист?

«Зимняя сказка» — пьеса о ревности, смерти и воскрешении. Леонт, этот Отелло без Яго, внезапно и без всякого повода проникается подозрениями, что Гермiona изменяет ему с его лучшим другом Поликсеном. И точно так же, как в «Буре» и «Шимбелине», здесь не обходится без сверхъестественного и чудесного.

Превращение Гермियोны в статую и ее спасение от мужского насилия в последние годы привлекали внимание феминисток. Главенствуют две точки зрения: согласно одной, Гермiona воскресает с помощью женского начала, олицетворяемого другими женскими персонажами, согласно же

другой, не столь оптимистичной, пьеса разоблачает тот факт, что освобождение женщины происходит под диктовку мужчины.

Вовсе не обязательно вспоминать «Кукольный дом» Ибсена, чтобы заметить детскую безгрешность несправедливо обвиненной королевы, пробуждение которой совершается не менее жестоко, чем у Норы в исполнении той же Пернилы Аугуст. Бергман окрасил шекспировские диалоги психологией более позднего времени. Полная иррациональность деструктивной ревности Леонта получает рациональное объяснение во взаимном влечении Гермियोны и Поликсена.

У Бергмана этот конфликт приобретает характер возможного тенепае а trois, проявляясь во взглядах, которыми укладкой обмениваются трое друзей. Такое впечатление, что Кри-

История, рассказанная тысячи раз.

В неподвластном взрослению Мамиллии (Анна Бьерк), сыне, от которого Леонт оказывается и которого доводит до гибели, отражаются и Гамлет, и Александр. Другими словами, Мамиллий — alter ego режиссера. Прижавшийся к спинке дивана мальчик слушает и передвигает фигурки в своем кукольном театре.

В шкатулке кроется множество шкатулок поменьше, и чудо постановки Бергмана состоит в том, что они звучат в унисон. Бёрье Альстедт в черном пальто бродит по городу среди бедняков, поглаживая вороненую рукоять револьвера. Его горю аккомпанирует перезвон церковных колоколов. Определенно, мы уже бывали здесь когда-то, но стиливая и антуражная перегруженность работает как поэтическая метафора: создает новизну.

«Зимняя сказка» — пьеса-утопия. Противная разуму ревность убивает Гермियोны и Мамиллии, и тот же налет безумия после третьего акта меняет минусы на плюсы. Родившейся девочке удалось стукнуть шестнадцатилетнего, прежде чем действие перенеслось в сельскую местность, с условной Сицилии — в условную Богемию. Трагедия превратилась в карнавал. В шутовских сценах Бергман не знает удержу. Все дозволено: гримасы дам в траурных вуалях вызывают шторм на море.

Трудность, вызванную делением пьесы на две части, Бергман преодолевает с помощью обрамляющей истории, что сплавляет голубых драгунов Альмквиста со стилизованным цветочным орнаментом начала века. В этом синтетическом театральном времени появление Рейно Брюнольффсона на мотоцикле уже не воспринимается как кричащий анахронизм.

Игра актеров отличается той уверенностью, которая, думается, многим из них в новинку: сосредоточенность и проник-

новение в роль Бёрье Альстедта, переход Пернилы Аугуст от ленивой чувственности к поремно-серому отчаянию, щедрые реплики Биби Андерссон в роли верной Паулины. Не говоря уж о придворном Ингвара Чельсона, чересчур часто бегавшем по нужде — фрагмент будущей театральной хрестоматии.

«Зимняя сказка» Бергмана, пронизанная грустью и надеждой на примирение, замыкается сама на себя, как идеальная окружность. Фигуранты в Охотничьем замке движутся, как сумеречные тени, по мягко освещенной площадке, а цветочные венки молодых составляют контраст раскаянию Леонта. Здесь празднуется тот же ритуал, что и в «Фанни и Александре», и когда Моника Нильсен, хлопнув в ладоши, объявляет, что уклон полан, это означает, что нам пора вставать и идти домой.

Перевела со шведского
Александра АФИНОГЕНОВА

БЕНТ ВАНБЕЛУС

стер Хенрикссон и Бёрье Альстедт соревнуются в меланхолии и ищут опасности в противовес тому, что говорит текст, ведь говорит он лишь об их дружбе-симбиозе с детских лет.

Длинная вводная сцена демонстрирует того рода экономность, которая является отличительной особенностью Бергмана — актеры на авансцене, заключены в круг, и свет работает как резец скульптора. Диван, на котором они сидят, стремится вырасти в символ супружества — и, словно мало тут было Ибсена, всплывает еще одно имя: Стриндберг.

Подобный коллаж может вызвать возражения — мол, Бергман предлагает нам хорошо известное. Но практически все значительное театральное искусство варьирует хорошо известное. За депрессивным, черным персонажем Бёрье Альстедта маячит Ротмистр из пьесы Стриндберга «Отец», сомневающийся, подобно Леонту, в своем отцовстве.